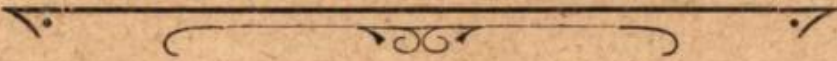



УЧИТЕЛЬСКАЯ БИБЛИОТЕКА.



# ИГРЫ И ИГРУШКИ.

Д. Д. Галанина.



ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА  
«Юная Россія» и «Педагогическій Листокъ».  
Москва, Б. Молчановка, д. № 24.

Цѣна 10 коп.



МОСКВА.

Типографія К. Л. Меншова, Арбатъ, Никольскій пер., д. № 31.  
1909.

УЧИТЕЛЬСКАЯ БИБЛИОТЕКА



# ИГРЫ И ИГРУШКИ.

Д. Д. Галанина.

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА  
«Юная Россія» и «Педагогическій Листокъ».  
*Москва, Б. Молчановка, д. № 24.*

Типографія К. Л. Менъшова, Арбатъ, Никольскій пер., д. № 31.  
1909.

## ПРЕДИСЛОВІЕ.

Послѣ изданія брошюры „Игры и игрушки“ я получилъ очень цѣнныя сообщенія отъ многихъ читательницъ о томъ, какъ и во что играютъ дѣти, а также нѣкоторыя указанія на неполноту и недоговоренность во многихъ мѣстахъ текста. Принося искреннюю благодарность за то и другое, я постарался въ новомъ изданіи использовать полученный матеріалъ и пытался больше остановиться на личномъ отношеніи къ вопросу объ играхъ. При этомъ считаю долгомъ замѣтить, что со времени перваго изданія лично я много думалъ надъ самымъ вопросомъ, и то, что прежде было для меня не ясно стояло какъ сомнѣніе, мало по малу разрѣшилось въ ту или другую сторону. Перерабатывая брошюру, я уже не могу, конечно, оставлять подъ вопросомъ и то, на что у меня есть отвѣтъ, и это сильно измѣняетъ характеръ изложенія. Самый вопросъ объ играхъ разрѣшенъ, но еще не настолько, чтобы сдѣлаться книгой, и я былъ бы очень обязанъ, если бы читатели и читательницы вновь любезно откликнулись и подѣлились бы со мной своими впечатлѣніями.

Авторъ.



## Игры и игрушки.

Съ цѣлью изученія дѣтскихъ игръ я собралъ небольшое число (около 40) воспоминаній о любимыхъ играхъ и игрушкахъ въ дѣтствѣ. Кромѣ того у меня есть нѣсколько цѣнныхъ наблюденій взрослыхъ надъ играми дѣтей. Среди нихъ есть дневникъ матери, наблюдающей изо дня въ день за ростомъ своего ребенка, и замѣтки одной личности, жившей въ качествѣ гувернантки въ нѣсколькихъ семьяхъ. Конечно, изъ такого малаго числа наблюденій странно было бы дѣлать какіе-либо выводы, но эти отвѣты навели меня на мысли и предположенія, которыми, собственно, я и хотѣлъ бы подѣлиться. Здѣсь на первое мѣсто слѣдуетъ поставить вопросъ о томъ, что такое игрушки? Не входя въ разсмотрѣніе вопроса по существу, можно сказать, что игрушки подраздѣляются на двѣ группы: самодѣльные и покупныя. Покупныя игрушки есть особая отрасль промышленности, которая поддерживается не потребностями дѣтства, а тѣмъ отношеніемъ, которое взрослые проявляютъ къ дѣтямъ. Покупная игрушка—это подарокъ, какимъ заваливаютъ дѣтскія въ богатыхъ семьяхъ родственники и знакомые.

Вотъ что пишетъ мнѣ одна изъ корреспондентокъ. „Игрушекъ ей (дѣвчкѣ) дарили такъ много, что половина комнаты была похожа на игрушечную лавку. Игрушки, главнымъ образомъ, состояли изъ куколъ и всевозможной кукольной обстановки и затѣмъ масса разныхъ бездѣлушекъ, фарфоровыхъ статуэтокъ, группы звѣрьковъ, разныя болѣе или менѣе удачныя комбинаціи пасхальныхъ яицъ. Кромѣ игрушекъ у ней было много разныхъ игръ, принадлежностей для рукодѣлія и книгъ“.

Въ этой правдивой жизненной картинѣ, нарисованной постороннимъ наблюдателемъ, нельзя не узнать огромное большинство богатыхъ дѣтскихъ, съ тою только разницею, что иногда родители залежалыя, уже устарѣвшія игрушки отправляютъ періодически на чердакъ, гдѣ онѣ мало по малу разрушаются и уничтожаются.

„Она относилась къ игрушкамъ скорѣе равнодушно, интересовалась каждой только, пока она была новинкой, потомъ игрушка ставилась на определенное мѣсто, ее показывали, если кто-нибудь являлся въ гости, и по субботамъ производилось стирание съ нихъ пыли“. Такъ говоритъ сторонній наблюдатель дѣтской жизни.

То же самое указали мнѣ и дѣти. Почти всѣ высказались за то, что покупныя игрушки, какъ таковыя, играли самую ничтожную роль въ ихъ дѣтской жизни. Въ большинствѣ случаевъ они ихъ ломали, чтобы посмотреть внутреннее устройство, и затѣмъ безжалостно бросали. На этомъ

можно было бы и покончить съ покупными игрушками, если бы въ эту область не проникъ зоркій взглядъ родителя-педагога. Исходя изъ вполне правильнаго логическаго положенія, что игрушки есть область дѣтства, онъ на ребенка возлагаетъ и заботу о ихъ сохранности и чистотѣ. Такимъ образомъ вмѣстѣ съ забавой и удовольствіемъ въ дѣтскую жизнь проникаетъ и забота, а вмѣстѣ съ ней и огорченія. Приученіе къ аккуратности, бережливости, чистотѣ, часто начинается съ игрушекъ; но, такъ какъ въ общежитіи всегда больше цѣнится то, за что заплачены деньги, то и покупныя игрушки пользуются въ этомъ случаѣ большей привилегіей. Ненужныя въ большинствѣ случаевъ ребенку, онѣ доставляютъ ему только лишнее горе, вводя въ бѣду. Я не противъ аккуратности, бережливости и чистоты, даже нахожу, что эти качества настолько цѣнны, что ихъ нужно прививать, поддерживать и развивать, и конечно отношеніе къ покупнымъ игрушкамъ здѣсь должно имѣть свое значеніе, но я противъ требованій, противъ принужденій, противъ обидъ маленькихъ существъ. Всмотритесь пошире въ этотъ міръ, и вы увидите среди дѣтей коллекціонеровъ, старательно собирающихъ разный игрушечный хламъ, ставящихъ его на полки, систематизирующихъ, наводящихъ чистоту; вы увидите и другихъ дѣтей, для которыхъ все это совершенно безцѣльная ненужности, о которыхъ нечего и заботиться. Оставьте тѣхъ и другихъ жить по своему и дѣлайте свое

дѣло, дѣло большихъ людей. Если вы аккуратно по субботамъ прибираете въ своемъ кабинетѣ, держите въ порядкѣ всѣ свои вещи, слѣдите за ихъ чистотой и цѣлостью, то увѣряю васъ, что и ребенокъ будетъ приучаться къ аккуратности и чистотѣ; онъ будетъ самъ работать надъ собой и, подражая вамъ, будетъ стремиться достигъ совершенства. Но, если всего этого нѣтъ, а есть только предписаніе для ребенка, то оно безцѣльно, тяжело и даже вредно, такъ какъ вноситъ дисгармонію въ его думу, даетъ идею отчужденности и вражды.

Въ послѣднее время стали къ покупнымъ игрушкамъ предъявлять новыя требованія: красоты и изящества формы, а по отношенію къ кукламъ еще и новѣйшіе костюмы. Все это очень важныя и полезныя требованія въ ихъ идейномъ видѣ: отчего въ самомъ дѣлѣ въ дѣтской не создать этнологическій музей, гдѣ были бы представлены всѣ народности въ ихъ національныхъ костюмахъ съ ихъ характерными производствами. Здѣсь можно было бы имѣть модели фабрикъ, заводовъ, паровыхъ машинъ, и пр. и пр. Все это прекрасный элементъ нагляднаго обученія, очень важная и нужная обстановка школы, но не дѣтской. Такія игрушки будутъ превосходными учебными пособиями, но не игрушками въ полномъ смыслѣ этого слова.

Въ этомъ отношеніи особенно грѣшатъ нѣмецкіе педагоги, которые настойчиво праводятъ ту мысль, что годы дѣтства должны быть использованы въ



смыслъ обученія. Такъ Фребель построилъ цѣлую систему воспитанія чувствъ на играхъ и игрушкахъ, а его послѣдователи настолько стѣснили дѣтей, что Гольдгаммеръ, составившій лучшее руководство по дѣтскому саду, счелъ нужнымъ предостеречь читателей отъ педагогическаго слѣдованія правиламъ Фребелевской системы. А докторъ Виреніусъ находитъ, что многія упражненія, въ большинствѣ Фребелевскихъ садовъ, столько же похожи на игру, какъ упражненія, исполняемыя въ циркахъ лошадьми, обезьянами, собаками, львами и т. п. Однако мысль Фребеля не умираетъ, а продолжаетъ развиваться. Такъ, Пере возстаетъ противъ игрушекъ, изображающихъ военный міръ. „Разумный воспитатель, говоритъ онъ, — не допуститъ дѣтей забавляться саблями, свинцовыми солдатиками, палочными лошадками и т. п.“ Онъ думаетъ, что всѣ игры и развлеченія дѣтей должны служить къ воспитанію хорошихъ и полезныхъ привычекъ, и чтобы ребенокъ довольствовался всегда одной какой-нибудь игрушкой.

На льежскомъ конгрессѣ воспитателей Леонъ Кларетти спрашивалъ: „Думаете ли вы, что куклы съ ихъ бессмысленными лицами, глупо выпученными глазами съ ихъ шляпами и туалетами бульварныхъ кокотокъ, не даютъ дурного примѣра своимъ маленькимъ матерямъ?“ А Риго предлагаетъ даже издать законъ противъ употребленія куколъ, видя въ немъ извѣстную общественную опасность.

Онѣ внѣдряютъ, говоритъ онъ, въ душу ребенка



понятіе о двусмысленной роскоши и дурномъ вкусѣ.“

Всѣ эти страшныя слова, несомнѣнно, производятъ впечатлѣніе, но, чтобы избавиться отъ ихъ кошмара, надо подумать о томъ, что игра и игрушка служатъ не причиной, а показателемъ уже существующаго вкуса, уже заложенныхъ стремленій. Причины ихъ въ окружающей жизни. Борьба съ игрушками представляется мнѣ въ видѣ того чудака, который думаетъ, что высокая температура тѣла зависитъ отъ термометра, и онъ стремится уничтожить термометръ, чтобы понизить лихорадочный жаръ тѣла.

Ложность такого положенія нашла себѣ авторитетнаго защитника. Проф. Колодца говоритъ: „Но дѣти не любятъ поучительныхъ игръ, географическихъ и математическихъ лото и т. п. Намъ кажется,—продолжаетъ онъ далѣе, что ни одинъ ребенокъ не забавляется такой ложной игрушкой, развѣ только, если серьезная цѣль была очень искусно замаскирована, что очень трудно сдѣлать“. А. П. Литвинскій въ своей прекрасной статьѣ „Игрушки, ихъ значеніе и выборъ“—говоритъ: „Прежде всего мы должны протестовать противъ обычнаго смѣшенія въ игрушкахъ двухъ предметовъ, совершенно различныхъ по своему значенію: игрушки съ учебнымъ пособіемъ. Многіе родители гонятся за двумя зайцами, ищутъ игрушекъ, въ которыя можно было бы не только играть, но по которымъ въ то же время можно учиться.“ Съ этимъ пре-

краснымъ и вполнѣ вѣрнымъ замѣчаніемъ нельзя не согласиться; но его можно дополнить, что другіе хотятъ создать игрушки не для игры, а для воспитанія вкуса, чувствъ, привычекъ и т. п.

Мы должны были бы теперь перейти къ самодѣльнымъ игрушкамъ, но мнѣ кажется умѣстнымъ предварительно разрѣшить вопросъ объ игрѣ.

Что такое игра и каково ея назначеніе? Мы знаемъ, что педагоги, не рѣшая вопроса о сущности игры, придумывали способы, какъ бы использовать это дѣтское занятіе и сдѣлать его продуктивнымъ. Съ этой точки зрѣнія изыскивались средства, соединенія игры съ обученіемъ или игры съ воспитаніемъ. Въ то же время психологи взглянули на игру съ другой точки зрѣнія и сдѣлали попытку рѣшить вопросъ о сущности игры.

Такъ Спенсеръ, сопоставляя игру дѣтей съ игрой животныхъ, думаетъ, что она является результатомъ избытка душевныхъ и тѣлесныхъ силъ. „Если избытокъ силъ достигаетъ извѣстной степени, то онъ долженъ истрачиваться; если въ моментъ разряженія не представляется повода къ опредѣленной дѣятельности, то наступаетъ простое подражаніе этой послѣдней, а это и есть игра“.

Профессоръ Базельскаго университета Гроссъ считаетъ эту теорію односторонней и пополняетъ ее теоріей отдыха, данной Лапорусомъ. Такимъ образомъ, въ игрѣ онъ видитъ два принципа: 1) принципъ траты избыточныхъ силъ и 2) принципъ возстановленія потраченныхъ силъ. „Оба эти

принципа, говорить онъ, могутъ обусловливать игру или одновременно, или можетъ дѣйствовать только одинъ изъ нихъ“.

„Въ пору дѣтства, въ годы дошкольнаго возраста, вся почти жизнь проходитъ въ игрѣ. Игра служить, можно сказать, цѣлью жизни. У всѣхъ живыхъ существъ, особенно у ребенка, говоритъ Гроссъ, мы встрѣчаемъ множество прирожденныхъ инстинктовъ, необходимыхъ ради сохраненія вида, тѣмъ не менѣе ребенокъ при появленіи на свѣтъ оказывается совершенно беспомощнымъ. Ему продолжительное время приходится приспособляться, пріучаться къ необходимымъ для его существованія движеніямъ и дѣйствіямъ. Упражненіе неготовыхъ, неразвитыхъ еще инстинктовъ и составляетъ сущность игры“... „Функціи игры состоятъ, во-первыхъ, въ обращеніи неготовыхъ инстинктовъ къ полному равенству съ готовыми инстинктами, во-вторыхъ, въ дальнѣйшемъ высшемъ развитіи унаслѣдованнаго“.

„Инстинкты же онъ разбиваетъ на двѣ категоріи: къ первой изъ нихъ относятся тѣ, которыя управляютъ собственнымъ психофизическимъ организмомъ. Въ этомъ отношеніи игра есть „игорное экспериментированіе“. Тутъ имѣются въ виду: 1) участіе органовъ внѣшнихъ чувствъ (осязаніе, температура, вкусъ, обоняніе, слухъ, зрѣніе); 2) упражненіе органовъ движенія; 3) упражненіе высшихъ духовныхъ функцій“.

„Къ инстинктамъ 2-го порядка относятся тѣ, ко-



торые устанавливають отношеніе однихъ живыхъ существъ къ другимъ. Здѣсь являются: 1) состязательныя игры; 2) любовныя; 3) подражательныя и 4) общественныя“.

Такимъ образомъ Гроссъ думаетъ, что игра, возникшая на почвѣ или избытка жизненныхъ силъ или необходимаго отдыха и перемѣны дѣятельности, имѣетъ цѣлью подготовить индивидуумъ къ дальнѣйшей дѣятельности, развивая унаслѣдованные имъ инстинкты или личнаго, такъ сказать, физическаго характера, или общественнаго, т.-е. нравственнаго.

Эти опредѣленія носятъ въ себѣ печать туманныхъ метафизическихъ гипотезъ. Ихъ трудно оспаривать, но и трудно съ ними согласиться. Гораздо проще и ближе къ жизни опредѣленіе игры, данное Джемсомъ Селли, въ его прекрасной книгѣ „Очерки психологіи дѣтства“. Здѣсь, въ главѣ 2-й, онъ посвящаетъ 22 прекрасныхъ страницы дѣтскимъ играмъ и говоритъ, между прочимъ: „Источникъ игры заключается въ стремленіи осуществить привлекательную мысль: отсюда близкое родство игры съ искусствомъ вообще“... „Ребенокъ во время игры поглощенъ какой-нибудь мыслию и осуществляетъ ее при помощи видимаго дѣйствія“.

Это опредѣленіе ставитъ весь вопросъ объ игрѣ на совершенно новую точку зрѣнія. Что такое осуществленіе мысли? Какое родство можетъ быть у игры съ искусствомъ? Здѣсь, очевидно, авторъ подразумѣваетъ способность воспроизведенія, спо-

способность творчества. Подобно тому, какъ творить художникъ, воплощая свои мысли въ тѣ или иные реальные образы, какъ творить актеръ, воспроизводя дѣйствительность и создавая типы, какъ творить инженеръ, архитекторъ и т. п., точно такъ же творить и ребенокъ, воплощая свои мысли и чувства въ играхъ.

Здѣсь, конечно, не можетъ быть рѣчи о какой-либо утилитарности игры, — игра есть свободное искусство, какъ пѣніе, живопись и т. п. Мы не можемъ художника поставить въ тѣ или иныя условія, заказать ему творить свои образы по какому-либо шаблону, такъ и ребенка мы не можемъ заставить играть такъ, какъ мы считали бы наиболее для него полезнымъ.

Здѣсь, быть можетъ, уместно отмѣтить разницу между игрою и занятіемъ, а также между игрою и развлеченіемъ. Игра есть активное созданіе чего-либо новаго, комбинированіе воспринятыхъ элементовъ по новому. Если бы даже эти элементы были взяты изъ чтенія книгъ, изъ событій жизни или рассказовъ, то во время игры они комбинируются вновь, какъ романистъ создаетъ свой романъ, комбинируя различные элементы наблюдаемой дѣйствительности. Самый существенный признакъ игры, это — ея активность, т.-е. что въ ней участвуетъ весь душевный міръ ребенка во всемъ его цѣломъ.

Здѣсь работаютъ и умъ, и чувство, и воображеніе.

Развлеченіе есть такое состояніе, когда ребенокъ пассивно воспринимаетъ впечатлѣнія изъ внѣшняго міра, такъ, напр., когда онъ слушаетъ какой-либо рассказъ, смотритъ на что-либо любопытное и т. п. „Развlechъ ребенка“, это значитъ — дать пищу его фантазіи, направить его вниманіе на что-либо.

Занятіе есть нѣчто среднее между игрой и развлеченіемъ.

Здѣсь нѣтъ ни активнаго участія, ни пассивнаго воспріятія.

Такъ, напр., я различаю два случая „играть въ куклы“ и „заниматься куклами“. Въ первомъ—ребенокъ творитъ: его куклы ходятъ въ гости, ведутъ длинные разговоры, совершаютъ рядъ поступковъ, съ ними случаются различныя приключенія и т. п.; во второмъ—является на сцену сортировка куколъ, ихъ одѣваніе, приведеніе въ порядокъ туалета и т. п. Точно также мыслимо играть въ кубики, т.-е. возводить причудливыя постройки и заниматься кубиками. Даже можно заниматься игрой, т.-е. участвовать въ ней лишь пассивно, не внося въ нее творчества. Занятіе нисколько не ниже игры. Когда ребенокъ занятъ, его мысль работаетъ, онъ всматривается въ то или иное явленіе, изучаетъ его. Если ребенокъ сидитъ и внимательно слѣдитъ за вашей работой или чужой игрой,—онъ занятъ; если онъ пытается воспроизвести видѣнное,—онъ играетъ.

Этимъ, конечно, не исчерпывается весь вопросъ



игры, и я не думаю закончить свое изслѣдованіе здѣсь, а хочу лишь остановить вниманіе читателя на слѣдующемъ. Родители видятъ въ дѣтскомъ возрастѣ лишь переходную ступень къ будущей жизни. Все время ребенка должно быть посвящено на подготовку къ этой жизни. А такъ какъ у насъ, въ Россіи, даютъ ходъ только людямъ съ „правами“, то на пріобрѣтеніе этихъ „правъ“ и должны быть потрачены дѣтскіе годы. При этомъ совершенно упускаютъ изъ виду, что *дѣтскій міръ имѣетъ нѣкоторое право на самостоятельное существованіе*, что періодъ дѣтской жизни не есть предверіе храма, а самъ является вполнѣ цѣльной, определенной и лучшей частью храма, именуемою жизнью.

Дѣтскій міръ отличается совершенно своеобразнымъ характеромъ чувствъ, настроеній и стремленій. Этотъ міръ подчиненъ своимъ особымъ законамъ и существуетъ самъ по себѣ и самъ для себя. Желаніе шалить, рѣзвиться, наблюдать и подражать взрослымъ—все это естественныя потребности дѣтскаго міра и на удовлетвореніе этихъ потребностей имѣется вполнѣ законное право. Стремленіе къ играмъ, забавамъ присуще не только дѣтямъ, но и молодымъ животнымъ, и въ этомъ стремленіи заключается задатокъ правильнаго здороваго развитія организма.

Лишите молодыхъ животныхъ возможности удовлетворять вложенныя въ нихъ природой потребности въ играхъ и движеніи—и получатся уроды,

не приспособленные къ жизненной борьбѣ. Опытные скотоводы и коннозаводчики давно въ этомъ убѣдились.

Выдающіяся качества англійской лошади достигнуты, главнымъ образомъ, благодаря примѣненію къ воспитанію жеребятъ пріемовъ, основанныхъ на внимательномъ изученіи естественныхъ потребностей организма лошади \*).

Если мы теперь, подобно опытнымъ коннозаводчикамъ, будемъ изучать дѣтскій міръ, то увидимъ здѣсь массу страшно любопытнаго. Здѣсь мы увидимъ, во 1), то, что дѣти въ играхъ воспроизводятъ дѣйствительность.

Мнѣ случалось замѣчать, что въ эпоху войны съ Трансвалемъ, были въ ходу игры въ англичанъ и буровъ; въ эпоху забастовокъ появились игры „въ забастовщиковъ и хозяевъ“. Когда же дѣйствительность не даетъ яркихъ и выпуклыхъ образовъ, то слабѣетъ и творческая фантазія, но характеръ игры остается. Вотъ, напр., что пишетъ мнѣ одна учительница:

„Кромѣ обыкновенныхъ игръ въ прятки, въ мячъ, возни съ куклами, дѣвочки (5 — 7 лѣтъ) пристрастились къ рассказыванію сказокъ, выдуманныхъ ими самими. Сказки эти были безконечно длинны и страшно однообразны и начинались обыкновенно такъ: „Жили были папа, мама, у нихъ были дѣти“. Затѣмъ шло подробное перечисленіе

---

\*) «Вѣстн. Евр.», декабрь, 1908 г. «Фабрика дипломовъ».

ихъ именъ, характеровъ и проказъ. У каждой было любимое имя, которымъ назывался благодетельный герой разсказа. Дѣвочки сердились, если кто другой приписывалъ ихъ любимцамъ дурные поступки. Слушателями сказокъ являлись старшіе, при чемъ выслушать сказку принималось какъ одолженіе“. Здѣсь я на минуту прерву разсказчицу маленькимъ замѣчаніемъ. Очевидно, что старшіе, отмѣтивъ эту склонность дѣтей, относясь въ общемъ къ ней очень благосклонно, не сумѣли развить ее и направить. Если бы они въ наладившееся уже дѣло разсказа ввели картину и сами приняли бы участіе въ дѣтской забавѣ, то сказки стали бы содержательнѣе. Но здѣсь дѣло пошло иначе. „Отъ разсказыванія сказокъ перешли къ изображенію ихъ въ лицахъ. Это начиналось такъ: „поиграй, пожалуйста, въ мою игру“. Согласіе получалось цѣной какой-нибудь вещи. Согласившійся долженъ былъ безъ разсужденія говорить всѣ слова и исполнять всѣ дѣйствія, указанная тѣмъ, кто велъ игру, а именно: шли гулять, прыгали черезъ ручей, ѣхали въ поѣздѣ и т. п.“.

Такого рода игры очень распространены, а вотъ еще уголокъ дѣтской жизни: „У насъ, у маленькихъ, игрушекъ бывало немного. Большую часть времени мы проводили на воздухѣ. Зимой мы катались на салазкахъ, просто гуляли, когда же нельзя было выходить и вечерами мы усаживались играть.“



Была у насъ деревянная посуда, и изъ нея мы почему-то любили одну красную рюмочку съ чернымъ пятномъ. Было нѣсколько куколъ. Лѣтомъ мы пропадали въ саду, гдѣ большая трава изображала рѣку, и мы играли, что плаваемъ по ней. Была у насъ потомъ и своя собственная бесѣдка. Она имѣла исторію. Прочитавъ „Дикій Лебедь“ Андерсена, я взялась подражать бѣдной Элизѣ. Замѣтивъ въ одномъ мѣстѣ сада много крапивы, я стала ее вырывать и растаптывать. Обожгла руки и ноги, но тоже старалась не проронить ни одной слезы. Потомъ и сестра стала со мной работать, но льна у насъ, конечно, не вышло, и мы рѣшили расчистить это мѣстечко для бесѣдки, такъ какъ тамъ росли полукругомъ сливы. Сказано—сдѣлано. Потомъ тамъ поставили скамейки и столикъ, и мы пригласили къ себѣ папу съ мамой. Засохшія мѣста въ саду изображали лѣсъ, гдѣ вырытый корень дерева изображалъ лѣшаго, потомъ появилась Баба-Яга и еще какія-то „дикуши“, воплощающія лѣсныхъ чудовищъ. Вообще съ садомъ у насъ было связано много игръ. Позже мы съ маленькой сестрой и братомъ играли въ цыганъ, устраивали театры, кочевали, воровали дѣтей и брали за нихъ выкупы. Во время увлеченія монастыремъ, я взваливала на плечи какой-нибудь узелъ съ тяжестью и ходила по саду и по двору до полнѣйшей усталости. Это—я ходила странствовать ко святымъ мѣстамъ. Въ зимніе вечера мы сдвигали стулья, укладывали туда свои

вещи и отправлялись въ далекія страны. Потомъ была у насъ игра въ „кочевье“. Наши куклы были половцами, у насъ были большія стада — это кубики и кирпичики. Если двумъ племенамъ надлежало воевать, то лошади и овцы обращались въ храбрыхъ воиновъ. Еще играли въ сказку „Вѣтка орѣшника“, при чемъ роль медвѣдя, до превращенія его въ принца, играла большая еловая шишка. Въ одной игрѣ няню замѣняла деревянная раскрашенная птица. Мы ее такъ и называли „птицанянюша“. Вообще такихъ игръ у насъ было много и съ куклами и безъ нихъ. Кромѣ того, мы служили молебны, вѣнчали свадьбы, хоронили мертвыхъ ласточекъ и воробьевъ, убирали ихъ могилки“.

Сопоставляя эти два разсказа — посторонняго наблюдателя и собственныхъ воспоминаній, мы легко можемъ вложить ихъ одинъ въ другой. Постороннему наблюдателю были скучны дѣтскія сказки, а въ воспоминаніяхъ они пріобрѣтаютъ особый ореолъ дорогихъ переживаній, ощущеній роста, органическаго развитія интеллигентной личности.

Кромѣ того, я позволилъ бы себѣ еще обратить вниманіе читателя на связь между чтеніемъ и игрой. Игра воплощаетъ чтеніе и этимъ показываетъ свой внутренній смыслъ и свое значеніе. Очевидно, что мы встрѣчаемся здѣсь съ чѣмъ-то болѣе серьезнымъ, чѣмъ простая забава. А потому крайне опасной становится мысль, приводимая

Пере. Пусть, напр., мы приложимъ его методъ къ ребенку, любимымъ занятіемъ котораго было вырѣзываніе изъ золотой и серебряной бумаги для себя погоновъ и орденовъ, любимыми игрушками были сабли, каски и вообще всѣ принадлежности военного быта. Запретивъ ему всѣ эти игры, отнимемъ игрушки, и мы грубо нарушимъ весь душевный складъ ребенка, исковеркаемъ его натуру, не прививъ ничего взамѣнь; я убѣжденъ, что въ 99 случаяхъ изъ ста мы вырастимъ или неврастеника безъ іоты личной инициативы, или лжеца, озлобленнаго съ дѣтства на весь міръ и всѣхъ людей. Другой случай еще поразительнѣе: любимыми игрушками мальчика были музыкальные инструменты, сдѣланные изъ желѣза или другого подходящаго матеріала. Среди гама и какофоническихъ звуковъ онъ чувствовалъ себя безконечно хорошо. Впослѣдствіи изъ него выработался музыкантъ. Запретимъ ему это занятіе,—и опять нарушимъ внутренній міръ, внесемъ въ него дисгармонію и неудовлетворенность и вмѣстѣ съ тѣмъ причинимъ безцѣльную боль и зло.

Вотъ, напр., два мальчика съ увлеченіемъ играютъ въ солдатиковъ; они раздѣлились на двѣ арміи (англичанъ и буровъ). Здѣсь есть убитые, раненые, плѣнные. Всмотритесь въ эту игру, и вы увидите въ ней воплощеніе мысли; здѣсь есть и наблюденіе надъ жизнью, впечатлѣнія, почерпнутыя изъ книгъ и разговоровъ. Это есть своего рода творчество и изслѣдованіе жизненныхъ вопросовъ. Запретите



имъ игру во имя развитія гуманныхъ началъ и вы лишите ихъ не только удовольствія, но и пользы; вы закроете имъ источникъ пользованія, лишите ихъ мысль реальныхъ образовъ и тѣмъ самымъ направите ее по пути, чуждому натурѣ ребенка въ данномъ возрастѣ. А это, въ свою очередь, отразится на послѣдующей жизни, лишивъ мысль яркости и образности, т.-е. вы принесете вредъ, а не пользу. Тѣмъ болѣе, что нельзя ручаться за послѣдствія: легко можетъ быть, что ребенокъ, которому запрещены были игры въ дѣтствѣ, вырастетъ злымъ и кровожаднымъ, а тотъ, кто въ свое время пережилъ военный азартъ въ игрѣ, вырастетъ любящимъ и кроткимъ.

Мнѣ скажутъ, быть можетъ, что запрещать, конечно, не хорошо, — можно повліять, убѣдить, наконецъ, занять чѣмъ-нибудь ребенка; но нельзя же предоставлять ему полную свободу. Наконецъ, игры и игрушки могутъ быть настолько безнравственны, что является необходимость въ безусловномъ запрещеніи во избѣжаніе дурныхъ послѣдствій.

Въ такомъ построеніи вопросъ становится очень мудренымъ и сложнымъ, особенно когда приводятся въ примѣръ различные случаи изъ жизни. Но я рискну настаивать на своей точкѣ зрѣнія и скажу, что дѣти, по моему глубокому убѣжденію, въ игру вносятъ продукты своихъ наблюденій изъ жизни. Если игра безнравственна, то это значитъ, что въ окружающей ихъ жизни есть что-то неладное, или натура ребенка требуетъ бѣльшаго ухода и серьез-

наго вниманія, такъ какъ содержитъ въ себѣ стремленіе къ дурному. Игрушка является лишь показателемъ, а не причиной. Съ уничтоженіемъ ея вы уничтожаете лишь показателя, а причина остается, и натура проявляется въ другомъ мѣстѣ, иногда болѣе скрытомъ и болѣе опасномъ. Кромѣ того, является вопросъ: не кажется ли данное явленіе дурнымъ, а въ существѣ дурного ничего не содержитъ?

Далѣе, я думаю, что насиліе, проявленное даже въ самой мягкой формѣ, есть насиліе. Пусть ваше вліяніе такъ велико, что достаточно одного вашего взгляда, и ребенокъ перестаетъ интересоваться неудобнымъ вамъ предметомъ. Можете ли вы ручаться, что принесли ему благо? Вы не нарушили грубымъ образомъ душевной жизни ребенка, но вы его разочаровали, вы уничтожили возникшую мысль, разбили фантазію и, какъ это часто бываетъ, не поставили на ея мѣсто ничего новаго. Если мы параллельно переложимъ дѣтскую жизнь на жизнь взрослыхъ, то окажется собственно слѣдующее. Къ вамъ пришелъ человекъ, увлеченный нѣкоторой идеей; вы разрушили его идею, и онъ уходитъ, подавленный собственной ничтожностью. То, чѣмъ онъ жилъ, оказалось ничѣмъ, и онъ не знаетъ нѣкоторое время, стоитъ ли вообще думать, желать и добиваться чего-нибудь. А между тѣмъ, вы, быть можетъ, не поняли его, въ его идеѣ была жизнь и правда. Правы ли вы? Правы ли вы, когда такъ или иначе мѣняете игрушки дѣтей,

отодвигая любимыя въ задній уголъ шкапа, а выставляя на первое мѣсто тѣ, которыя считаете особенно полезными?

Вотъ почему я думаю, что намъ вмѣсто того, чтобы придумывать образовательныя, воспитательныя или эстетическія игрушки, вмѣсто того, чтобы регламентировать игры, мы должны внимательнѣе всмотрѣться въ дѣтскій міръ и дѣтскую душу и хотя бы путемъ опроса и личныхъ воспоминаній собрать матеріалъ, который бы показалъ намъ, чѣмъ занимаются наши дѣти, и во что они въ дѣйствительности играютъ. Я отъ всей души привѣтствовалъ бы такой починъ въ этомъ дѣлѣ и убѣжденъ, что онъ далъ бы намъ неожиданные выводы.

А пока я думаю, что въ игрушкахъ, какъ и въ играхъ, проявляются первыя черты индивидуальнаго развитія каждаго человѣка, и свобода выбора есть первое условіе для правильности этого развитія. Я убѣжденъ, что сама природа, слѣпой инстинктъ вѣрнѣе руководятъ ребенкомъ, чѣмъ наши мудрствованія и туманныя гипотезы. Если вамъ не нравится выборъ игръ и игрушекъ, старайтесь вдуматься въ причины такого явленія, подѣйствуйте на ребенка въ другой какой-либо области, но не стѣсняйте его, и вы никогда не будете раскаиваться въ своемъ попустительствѣ. Очень часто не желательныя игры и игрушки есть не болѣе, какъ минутное настроеніе, требованіе возраста.

Помиритесь съ этимъ, и вы увидите, что съ теченіемъ времени всѣ нежелательныя явленія исчезнутъ сами собой. Вступите съ ними въ борьбу, и вы затынете болѣзнь, не вылѣчивъ ея.

Но не подумайте, что я хочу устранить взрослыхъ отъ игръ дѣтей. Этого я стнюдь не имѣю въ виду.

Напротивъ, дѣти ужасно любятъ, когда взрослые входятъ въ ихъ дѣтскіе интересы, участвуютъ въ ихъ играхъ. Дѣти какъ бы поднимаются въ собственномъ о себѣ мнѣніи, когда видятъ, что взрослый человѣкъ интересуется ихъ игрой. Вотъ почему участіе взрослыхъ чрезвычайно важно и въ высшей степени полезно, но участіе разумное, то-есть, когда взрослый дѣлается ребенкомъ, онъ не руководитъ, а лишь поправляетъ, подсказываетъ дѣтямъ, какъ лучше и удобнѣе воплотить ихъ мысли въ игрушкахъ, какъ всего удачнѣе осуществить ихъ фантазію.

Мнѣ вспоминается одинъ очень почтенный отецъ, который, чтобы отвратить опасныя забавы своихъ дѣтей при стрѣльбѣ въ цѣль и производствѣ фейерверковъ, самъ началъ вмѣстѣ съ ними заниматься тѣмъ и другимъ. Былъ купленъ монтекристъ, и въ укромномъ мѣстечкѣ происходила стрѣльба по бутылкамъ всей семьей. На вѣсахъ отвѣшивались необходимыя количества взрывчатыхъ веществъ, ими набивались бумажныя трубки, и вечеромъ дача оглашалась взрывами ракетъ, освѣщалась бенгальскими огнями, римскими свѣчами и т. п.



Такимъ образомъ, опасная забава сдѣлалась безопасной, и удовольствіе нисколько отъ этого не пострадало.

Въ вышеприведенномъ случаѣ игры въ музыкальные инструменты отецъ оборудовалъ для сына цѣлый оркестръ. Собралась цѣлая ватага мальчиковъ, которые ходили по дворамъ знакомыхъ и разыгрывали свои дикія аріи. Все это сопровождалось смѣхомъ, шутками, и авторъ вспоминаетъ объ этомъ времени, какъ самомъ лучшимъ въ его жизни.

Мало того, часто дѣти скучаютъ, не знаютъ, чѣмъ заняться, во что поиграть. Если взрослый придетъ къ нимъ на помощь и займетъ ихъ, возбудитъ фантазію, расшевелитъ мысль, покажетъ то или иное, тогда дальше ребенокъ самъ уже будетъ продолжать занятіе съ увлеченіемъ, и опасный моментъ скуки исчезнетъ безслѣдно.

Подобное участіе взрослыхъ я считаю разумнымъ и чрезвычайно желательнымъ, тогда какъ запрещенія, регламентаціи, приказанія „прекратить“ я считаю вредными, не достигающими цѣли и мѣшающими правильному развитію въ дѣтяхъ собственной личности.

Отсюда однако же не слѣдуетъ, что приказаній не должно быть при воспитаніи. Когда ребенокъ расшалился, закапризничалъ, когда, по обстоятельствамъ жизни, надоѣдаютъ его шумъ и возня, тогда необходимо ему „приказать“. Такое приказаніе является временной мѣрой, необходимой

лишь въ данную, вообще говоря, исключительную минуту жизни, а потому оно нисколько не обижаетъ ребенка, напротивъ, онъ видитъ здѣсь необходимость сообразовать свои поступки съ покоемъ другихъ, необходимость сдерживаться и заботиться о покоѣ другихъ. Возставая противъ приказаній, я говорю о нихъ, какъ о методѣ воспитанія, о постоянномъ вмѣшательствѣ въ дѣтскіе интересы. Такое именно вмѣшательство я считаю безусловно вреднымъ. Воля ребенка должна быть свободна, но онъ долженъ въ то же время уважать и волю взрослыхъ, такъ же какъ и взрослые уважаютъ волю другъ друга, не считая себя связанными внѣшнимъ контролемъ. Однако, перейдемъ теперь къ играмъ.

Въ игрѣ есть еще два элемента: удали и спорта. Удача или счастливая случайность составляетъ одинъ изъ видныхъ элементовъ многихъ игръ, каковы: игра въ карты, домино, рулетку, въ кости и т. п. Удача въ соединеніи съ ловкостію составляютъ притягательный центръ такихъ игръ, какъ игра въ мячъ, въ серсо, кубарь и т. п. Съ другой стороны, спортъ, желаніе быть первымъ, быть лучше другихъ въ томъ или иномъ отношеніи является выдающимся элементомъ во всѣхъ подвижныхъ играхъ, гдѣ требуются ловкость, находчивость, сила или выносливость. Игры, въ которыхъ есть творчество, должны быть ведены небольшою группою дѣтей, двумя, тремя, а часто и однимъ ребенкомъ; игры второго рода требуютъ участія группы

дѣтей. Каждая изъ нихъ хороша въ своемъ родѣ и даетъ или элементы саморазвитія и анализа, или приучаетъ ребенка къ обществу, создаетъ идеи общественности, дисциплины, т.-е. подчиненія своей воли—условіямъ игры.

Однако, все это, какъ и предыдущія заключенія различныхъ ученыхъ, представляютъ собою лишь теоретическое міровоззрѣніе, нѣкоторую гипотезу, которая, хотя бы и подкрѣпленная фактами, взятыми изъ жизни, не даетъ еще права судить объ явленіи. Чтобы наше сужденіе было основано на дѣйствительности, нужно знать эту дѣйствительность, а для этого нужно имѣть не случайные факты, а статистическій матеріалъ. Вотъ почему я позволю себѣ предложить въ дополненіе къ сдѣланному еще нѣсколько эпизодовъ изъ дѣйствительной жизни, заимствуя изъ собраннаго мною матеріала.

Эти описанія любопытны, какъ фактъ, хотя не думаю, чтобы многіе родители, а особенно родительницы отнеслись къ нимъ снисходительно. Вотъ, напр., что пишетъ одинъ. Съ 10-11-ти лѣтъ я совсѣмъ не игралъ игрушками, по цѣлымъ днямъ любилъ бѣгать по волѣ, игралъ въ мячъ, казаки, разбойники, въ городки, въ лапту, кегли, крокетъ и другія подвижныя игры... Собиралъ шайку мальчишекъ въ деревнѣ и дрался съ сосѣдней деревней, дома только ночевалъ. Самыми любимыми были слѣдующія проказы: я взлѣзалъ на лѣстницу и расшатывалъ ее, чтобы она начинала внизу сколь-

зить; когда лѣстница начинала отъѣзжать отъ стѣны, то я поспѣшно слѣзалъ внизъ или прыгалъ. Бывало, что я сильно ушибался, разбивалъ себѣ носъ, меня часто за это наказывали, но я не оставлялъ этого занятія. Иногда я старался вспрыгнуть на послѣдній вагонъ товарнаго поѣзда. Вначалѣ часто падалъ, но потомъ наловчился дѣлать это довольно хорошо. Еще была забава перебѣгать путь передъ подходящимъ локомотивомъ поѣзда. Одинъ разъ я едва не попалъ подъ поѣздъ, не замѣтивъ, что шель курьерскій. Разъ мнѣ захотѣлось посмотреть, какъ горитъ овинъ. Я его поджегъ, но когда увидалъ, какъ скоро огонь съ трескомъ добрался до соломы, то испугался, началъ звать на помощь. Прибѣжали крестьяне и потушили. За это мнѣ была генеральная порка, добавляетъ авторъ. Къ сожалѣнію, у меня есть только одно показаніе въ этомъ родѣ: всѣ остальные очень мирныя и вполнѣ корректныя. Я увѣренъ, что не встрѣчу сочувствія къ подобнымъ забавамъ, да и я, конечно, думаю, что нельзя рекомендовать подобнаго препровожденія времени: но мнѣ очень бы хотѣлось собрать матеріалъ въ этомъ родѣ, узнать, насколько распространены подобные смѣлые характеры. Вѣдь нельзя отказать юному автору въ отвагѣ. Что изъ него будетъ? Преобразуется ли эта дѣтская отвага въ смѣлый и сильный характеръ? или все ограничится безцѣльными опасными забавами и опасными экспериментами? Что здѣсь, сила или слабость? Эти вопросы часто встаютъ предо мной, и я никакъ



не могу рѣшить ихъ. Но вотъ позвольте привести другой талантливый разсказъ въ совершенно другомъ родѣ.

„Воспоминанія дѣтства начинаются у меня приблизительно съ шестилѣтняго возраста, такъ что и игры приблизительно начинаются съ того-же времени. Говорю,—игры, потому что онѣ лишь наполняли мое дѣтство безпечной веселостью и придавали ему какую-то особенную прелесть. Игрушки въ моемъ дѣтствѣ занимали слишкомъ ничтожное мѣсто и лично мнѣ не доставляли особенной радости; игрушками были лопатки, тачки, мячъ, формы для дѣланія песчаныхъ фигуръ; самокатъ, который болѣе всего привлекалъ мое вниманіе, и еще что-то въ этомъ родѣ. Другое дѣло—игры,—онѣ главнымъ образомъ захватывали всего меня и заставляли безпечно веселиться, не заботясь о чемъ-нибудь другомъ. Любимымъ моимъ занятіемъ было собираніе оркестра и хожденіе съ нимъ по дворамъ, конечно,—знакомымъ, наподобіе странствующихъ музыкантовъ. Набиралъ я мальчиковъ человѣкъ шесть или семь, надѣвали шутовскіе колпаки, мѣсто дирижера занималъ я, нѣкоторымъ давалъ свернутыя изъ бумаги трубы, другимъ—губныя гармоникки, иному барабанъ, который отецъ дѣлалъ для меня изъ бычачьяго пузыря, другому—желѣзные тарелки, которыя вырѣзывалъ мнѣ изъ желѣза случайно работавшій у насъ кровельщикъ крышъ, и съ этимъ импровизованнымъ оркестромъ какофоническимъ шествіемъ ходили мы по улицѣ съ дво-

ра во дворъ, повсюду вызывая взрывы хохота. Сколько было радости! Охота и влеченіе къ музыкѣ остались у меня и до сихъ поръ, но приняли уже болѣе опредѣленное направленіе, въ видѣ нѣкотораго изученія музыкальнаго искусства и попытокъ композиціи. Другой игрой, которой я предавался въ дни дѣтства, было устройство звѣринца: собирались мы огромной группой на любимомъ нашемъ пригоркѣ, и каждый изъ насъ принималъ на себя обязанность изображать какого-нибудь звѣря, чертили на землѣ подобіе клѣтокъ, размѣщались въ нихъ, выбирали изъ своей среды надсмотрщиковъ и подымали невообразимый ревъ и стонъ; каждый съ усердіемъ старался изобразить воображаемого звѣря. Боже, что это было такое! Тутъ было все—и ревъ, и смѣхъ, и стонъ, и вой, лай, завыванія и все, все, что только могутъ изобразить восьми-семилѣтніе подростки въ пылу своего влеченія; сколько было жизни, радости, веселости! теперь, даже при воспоминаніи, невольно улыбаешься. Слѣдующей игрой была игра въ лошадки, затѣмъ шла игра въ мячъ и, наконецъ, зимой—катаніе съ горъ на санкахъ, или какъ у насъ называли, салазкахъ; тоже было много смѣху; устраивались искусственныя катастрофы, цѣлые поѣзда, которые посреди пути нарочно опрокидывались (горы, конечно, были небольшія), барахтались въ снѣгу, каждый старался превзойти другого въ удалствѣ; за удалство давались клички въ родѣ „отчаянная башка“, которыя считались весьма

почтенными, и носители которыхъ очень ими гордились. Какъ мы оставались невредимыми среди этихъ зимнихъ пертурбацій,—поистинѣ удивительно, хотя иногда безъ простуды дѣло не обходилось. Затѣмъ шло увлекательное качаніе на качеляхъ, и еще что-то, но что, не помню. Вотъ все, что наиболѣе рельефно врѣзалось въ моей памяти“.

Я боюсь утомить ваше вниманіе приведеніемъ большого числа выдержекъ; но у меня есть еще очень любопытное описаніе статистической игры въ одной семьѣ, которая носила названіе „игра въ Гришку и Панку“. Она напоминаетъ собою приключенія различнаго рода американскихъ охотниковъ, описанныя въ дѣтскихъ романахъ Майнъ-Рида и др. Игра продолжалась нѣсколько лѣтъ, варьируясь подъ вліяніемъ новыхъ впечатлѣній. Гришка и Панка представляли собою царей съ многочисленнымъ семействомъ. Они жили между собою или мирно, или враждовали, отсюда являлись различные случаи того и другого вида. Впослѣдствіи эта игра была переложена въ пьесу и разыгрывалась дѣтьми.

Подобнаго рода фантастическія игры не часто встрѣчаются среди дѣтей; онѣ рѣже еще поддаются наблюденію постороннихъ лицъ; но если бы участники игры описали свои игры по воспоминаніямъ, то, несомнѣнно, мы имѣли бы въ этихъ описаніяхъ драгоцѣнные документы для изученія дѣтской души.

Когда мы вдумаемся въ вышеприведенные при-



мѣры, то увидимъ въ нихъ существенныя черты различія. Это различіе обуславливается, несомнѣнно, разницей въ характерахъ и во всемъ складѣ натуры. Первый ребенокъ можетъ сдѣлаться смѣлымъ, отважнымъ путешественникомъ; второй, несомнѣнно,—музыкантъ, а третій—романистъ или писатель. Можемъ ли мы, не насилуя природы, регламентировать всѣ игры, запретивъ опасныя забавы ради собственнаго покоя? Есть ли въ этихъ забавахъ что-либо, говорящее о порочности или дурныхъ наклонностяхъ? Можно ли бороться съ такой натурой, какою былъ, напр., Нансенъ, и цѣлесообразна ли будетъ эта борьба? Все это—вопросы, которые намъ ставить жизнь, и едва ли можно ихъ уложить въ узкія рамки какой-либо педагогической теоріи. Можно изучать ихъ, какъ факты, и дѣлать выводы изъ этого изученія, но отнюдь не насилуя природу ребенка, стремясь направить его по несвойственному его натурѣ направленію.

Мнѣ остается сказать еще нѣсколько словъ объ участіи взрослыхъ въ играхъ дѣтей.

Въ послѣднее время вошли въ большую моду, такъ называемыя, „подвижныя игры“, какъ элементъ физическаго развитія. Составились книжки съ описаніемъ игръ, такъ, напр., прекрасныя книжки г. Филитиса, д-ра Покровскаго и др. Эти игры во многихъ школахъ и дѣтскихъ садахъ сопровождаются пѣніемъ, для чего были приспособлены сборники дѣтскихъ пѣсень; такъ, напр., десять пѣсень А. М. Мамонтова и М. Т. Соловьева „Гусельки“,



„Машины пѣсенки“ Богаевской — были приспособлены къ подвижнымъ играмъ С. П. Залѣсской въ дѣтскомъ саду.

Мнѣ думается, что въ этомъ случаѣ мы идемъ навстрѣчу дѣтскимъ потребностямъ, и дѣло подвижныхъ игръ подъ руководствомъ и при непосредственномъ участіи взрослыхъ будетъ развиваться и совершенствоваться.

Я позволилъ бы себѣ сдѣлать здѣсь лишь одно замѣчаніе. Такъ какъ игра дѣтей отражаетъ жизнь и требуетъ бѣльшаго или меньшаго количества творческой фантазіи, то въ высшей степени важно, чтобы и дѣтская игра носила не неподвижный формальный характеръ, а могла бы измѣняться, соответственно потребностямъ данной минуты.

Вотъ, напр., что мнѣ рассказывала одна дама. Въ ея домѣ собирались дѣти, и она вела съ ними подвижныя игры. Невольно при игрѣ море волнуется“ явились вставки: дѣти задумали ходить по всѣмъ комнатамъ, при этомъ вошло новое условіе,—подражать тому, что дѣлаетъ вожакъ; здѣсь составлялись хоры, происходили движенія, прыжки, присѣданія; при словахъ „море спокойно“ дѣти иногда садились на подвернувшуюся мебель и т. п. Потомъ явилась потребность продѣлывать всѣ движенія подъ звуки рояля, и самыя движенія регулировались темпомъ игры.

Подобнаго рода вставки и измѣненія дѣлаютъ игру болѣе свободной и болѣе интересной. Въ то же время въ игры необходимо должны входить

элементы дѣйствительности, воспроизведеніе окружающей жизни. По крайней мѣрѣ, эти элементы вносятъ всегда въ игру сами дѣти, иногда отвѣчая на злобу дня. Такъ, въ послѣднее время широко распространилась игра въ „студенты“. Съ этой же точки зрѣнія понятны игры въ „школу“, въ „солдаты“, въ „желѣзную дорогу“, въ „ямщиковъ или извозчиковъ“ и т. п.

Кромѣ того, сущность (современной) подвижной игры затерялась въ ея международномъ значеніи, но она болѣе глубока, чѣмъ это кажется съ перваго взгляда. Если мы возьмемъ такія игры, какъ „горѣлки“, „казаки разбойники“, „палочки выручалочки“, присоединимъ къ нимъ святочные гаданья, масляничные и лѣтніе хороводы, то на насъ пахнетъ глубокой стариной, когда по выраженію лѣтописи устраивали игры между селами и устраивали браки, предварительно сговариваясь между собою. Тогда эти игры были органически связаны съ жизнью, составляли часть религіознаго культа, были священными, какъ, напр., игры Олимпійскіе. Играли старые и молодые, и подрастающее поколѣніе перенимало игру со всѣми подробностями такъ же, какъ въ настоящее время дѣти перенимаютъ у взрослыхъ игры въ карты.

Теперь въ интеллигентныхъ семьяхъ разорвалась эта традиціонная связь и забылась; игра осталась какъ обломокъ старины, но этотъ обломокъ не есть часть цѣлаго, а получилъ самостоятельное значеніе. Къ этимъ дѣтскимъ играмъ присоединились игры

съ Запада и составили стройное цѣлое со специальнымъ назначеніемъ „дѣтскихъ подвижныхъ игръ“. Для этихъ игръ въ учебныхъ заведеніяхъ отводятся особые часы, и они мало по малу вытѣсняють гимнастику. Все это было бы очень хорошо и очень желательно, но бѣда въ томъ, что сюда подходит регламентація и педагогическая указка, которая изъ хорошаго свободнаго дѣла обязательно создастъ нѣчто уродливое и несимпатичное. Что касается до психологическаго существа всѣхъ этихъ игръ, то здѣсь въ основѣ лежитъ желаніе первенства и побѣды; но въ то же время здѣсь элементы дисциплины въ ея самомъ лучшемъ смыслѣ и элементы коллективнаго воспитанія. Развитія этого дѣла въ высшей степени нужно и желательно, но при условіи полной свободы для играющихъ, а это въ настоящемъ почти невыполнимая вещь.

Отъ этого рода игръ, гдѣ, несомнѣнно, наблюдается индивидуальное или коллективное творчество, слѣдуетъ отличать игры иного характера, а именно тѣ, гдѣ входитъ азартъ, каковы игры въ домино, лото и т. п., а также игры въ шахматы, шашки и пр. Я не сказалъ бы, что эти игры вредны, хотя развитіе азарта представляется многимъ родителямъ столь опаснымъ, что они изгоняють, напр., карты изъ домашняго обихода и требуютъ, чтобы дѣти не видали картъ. Но я думаю, что такое отношеніе не правильное и не правильно оно психологически. Игра въ карты, подобно игрѣ въ шашки и шахматы, кромѣ азарта, содержитъ еще логиче-



скій процессъ математическихъ комбинацій и логическихъ построений. Въ дѣтствѣ карты привлекательны именно этой стороной и даютъ здѣсь большое количество, несомнѣнно, необходимыхъ для развитія ребенка элементовъ. Что же касается до азарта, то онъ можетъ проявляться и питаться безразлично во всѣхъ областяхъ жизни. Надо умѣть его поработать и имъ руководить, а этому учить тоже игра. Такъ что, выдѣляя эти игры въ особую группу, я выдѣляю ихъ по признаку психологическаго элемента, но не по ихъ вредности.

Этимъ я окончу разсмотрѣніе игръ. Мнѣ еще осталось разсмотрѣть, что такое самодѣльная игрушка. Но послѣ вышеизложеннаго становится ясно, что игрушка есть орудіе игры. Если подъ руками нѣтъ этого орудія, то его надо сдѣлать; это приводитъ насъ въ новую область дѣтскаго труда и дѣтскихъ подѣлокъ, которыя начинаются съ вырѣзыванія изъ бумаги людей, животныхъ птицъ и, развиваясь далѣе, охватываютъ подѣлки изъ глины, изъ воска или дерева. Иногда эти подѣлки получаютъ какой-то особый смыслъ въ глазахъ ребенка и становятся ему очень дороги, какъ будто они воплощаютъ особую мысль ребенка. Съ этой точки зрѣнія становится понятнымъ, почему ребенокъ бросаетъ хорошихъ куколъ и носится съ какой-нибудь дрянью, иногда простой тряпкой, расточая ей всю нѣжность и ласку. Мнѣ рассказывали, какъ одна дѣвочка полюбила подаренную ей кошку-куклу. Эта кошка въ концѣ концовъ облѣз-



ла, сдѣлалась отвратительной отъ частаго употребленія, но стала еще милѣе своей хозяйкѣ. Наконецъ, видъ ея сдѣлался невыносимымъ. Родители рѣшили замѣнить утратившую свой образъ—куклу другою. Когда подмѣнъ былъ совершенъ, то ребенокъ пришелъ въ такое отчаяніе, что жалко было смотрѣть на него, и пришлось возвратить старую игрушку. Такихъ примѣровъ не мало собрано и въ литературѣ.

Но мнѣ хочется привести еще одинъ. У богатой одинокой дѣвочки 6—7 лѣтъ было много куколъ, но любила изъ нихъ она только одну—дорогую бэбэ, хотя мало ей играла. Однажды мать въ наказаніе взяла у нея эту куклу, дѣвочка заплакала. Она никогда не плакала, а только капризничала, но тутъ заплакала, такъ горько ей было потерять свою любимицу. Она любила еще горбатаго полишинеля и стремилась образовать горбъ и у другихъ куколъ. Все это создаетъ цѣлую психологическую картину личности этого оригинальнаго ребенка. Она не умѣла и не любила играть, никогда сама себѣ не дѣлала игрушекъ, хотя съ интересомъ смотрѣла, какъ ихъ дѣлали другіе, при чемъ брала на себя критику и осмѣивала неудачу. Этотъ ребенокъ не былъ предоставленъ самому себѣ. Весь день былъ заранѣе расположенъ по графамъ, въ число которыхъ входилъ и разборъ игрушекъ и приведеніе ихъ въ соотвѣтственный порядокъ. Гдѣ же жизнь? Гдѣ личность ребенка? Неужели горбатый полишинель и бэбэ исчерпывали все ея содер-

жаніе? Увы, почти что такъ, если не считать, что она любила танцовать, танцевала даже одна подъ шарманку, съ удовольствіемъ играла въ лошадки и оживлялась только тогда, когда было общество.

Вотъ другой ребенокъ, тоже дѣвочка 10 лѣтъ. У нея есть младшіе братья и почти полное отсутствіе игрушекъ. Она тоже не умѣетъ играть. Она читаетъ, шьетъ, любитъ, когда ей читаютъ или рассказываютъ, и этимъ исчерпывается ея жизнь. Можно сказать, что этому ребенку чуждо дѣтство, это человѣкъ, сдѣлавшійся большимъ, не успѣвъ вырасти. Его внутренній міръ старше его самого. Ребенокъ, лишенный дѣтства.

Наконецъ, мнѣ случилось наблюдать цѣлую компанію дѣвочекъ въ возрастѣ около 12 лѣтъ; онѣ играли въ сложную игру, гдѣ были и матери, и дѣти и слуги. Подслушивая ихъ разговоры, ихъ обращенія, я постоянно угадывалъ, кто ведетъ игру: у каждой оказался личный характеръ; но любопытно то, что въ отношеніи къ дѣтямъ были вѣчныя наказанія, а по отношенію къ прислугѣ требовательность и суровость. Въ жизни этихъ дѣвочекъ не было, ни того ни другого.

Откуда взялись эти элементы? Размышляя надъ этимъ, я пришелъ къ убѣжденію, что это элементы переживанія того возраста, гдѣ суровость, желаніе мучить кого-либо, жестокость являются преобладающимъ. Для меня было ясно, что въ игрѣ, отразился моментъ фізіологическаго развитія роста, и что все это совершенно пройдетъ вмѣстѣ съ годами.

Такъ оно и вышло. Этическія начала взяли верхъ, и гуманность явилась почти общей чертой у каждой.

Все это подводитъ насъ съ другой стороны къ разсматриваемому вопросу. Игра есть жизнь ребенка, т. е. воплощеніе его личности; здѣсь онъ передаетъ свои наблюденія надъ жизнью взрослыхъ, свои идеи, свои мечты. Въ игрѣ онъ воплощаетъ въ нѣкоторые конкретные образы то, что содержится въ его внутреннемъ самосознаніи. Въ этомъ отношеніи самодѣльные игрушки имѣютъ огромный педагогическій интересъ, онѣ даютъ возможность проникнуть до нѣкоторой степени въ это святое-святыхъ и проанализировать самосознаніе ребятъ. Выше я приводилъ уже примѣры того, какъ игра служила показателемъ глубоко заложенныхъ склонностей природы.

Наблюдая игру, мы наблюдаемъ и личность ребенка. Мѣшая игрѣ, мы скрываемъ личность и тѣмъ вредимъ и ей и себѣ. Неправильно было бы насиловать личность ребенка, подбирая игры и игрушки: это уже элементъ обученія, это тоже дѣленіе на графы, но надо воспользоваться своимъ наблюденіемъ въ другомъ отношеніи. Пусть ребенокъ проявляетъ жестокость, и эта жестокость не есть моментъ переживанія, а нѣчто болѣе глубокое. Какъ бороться съ этимъ? Отнюдь не вмѣшиваясь въ его игру, а путемъ чтенія, бесѣдъ, указаній на тѣ или иные случаи жизни, слѣдуетъ возбудить идеи жалости и тѣмъ вызвать борьбу внутри са-

мой личности. Эта борьба даетъ то, чего никогда не даетъ никакая регламентація игры и подборъ игрушекъ. Сама же игра покажетъ на характеръ борьбы, на ея возникновеніе и на побѣду той или иной стороны. Если у воспитателя не будетъ капризовъ, неуравновѣшеннаго настроенія, если онъ не будетъ занятъ проведеніемъ въ жизнь какой-либо педагогической идеи, то я увѣренъ, что ему совершенно не понадобится никакая регламентація игры, ни особый подборъ игрушекъ; но въ наблюденіи свободной игры дѣтей онъ почерпнетъ для себя много новаго, важнаго и интереснаго.

Игра можетъ быть и средствомъ обученія, это, конечно, не игра, а особый урокъ, такая игра не входитъ въ рассматриваемый очеркъ; онъ легко выдѣляется слѣдующимъ признакомъ,—она утомительна для ребенка, тогда какъ воплощеніе своей творческой фантазіи утомительнымъ быть не можетъ. Итакъ мой завѣтъ: пусть дѣти свободно играютъ въ то, что кажется имъ наиболѣе интереснымъ, а мы станемъ въ сторонкѣ, чтобы не мѣшать имъ, и посмотримъ, что они дѣлаютъ и, быть можетъ, кое-чему при этомъ научимся.

